

ассоциируется с евангельским селением Капернаумом в Галилее, где Иисус совершал чудеса исцеления, автор тем самым выражает свою позицию: только вера спасает человека. Люди, населяющие этот дом, несмотря на свое косноязычие, не глухи⁶, они способны внять слову Божию. Сюда по просьбе Сони Лизавета приносит Евангелие, и они вместе его читают. Именно сюда приходит и Раскольников, где Соня прочитает ему притчу о воскресении Лазаря.

Следующий эпизод — один из ключевых в постижении нравственной основы романа: «А сегодня у Сони был, на похмелье ходил просить! Хе, хе, хе! Вот этот самый полуштоф-с на ее деньги и куплен. Тридцать копеек вынесла, своими руками, последние, все, что было, сам видел... Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела... Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют!.. Тридцать копеек, да-с. А ведь и ей они теперь нужны, а? Ведь она теперь чистоту наблюдать должна. Денег стоит сия чистота, особая-то, понимаете? Ну, там помадки тоже купить, ведь нельзя же-с; юбки крахмальные, ботиночку эдакую, пофиглярнее, чтоб ножку выставить, когда лужу придется переходить. Понимаете ли, сударь, что значит сия красота? Ну-с, а я вот, кровный-то отец, тридцать-то этих копеек и стащил себе на похмелье!»

Соня не так безответна, как может показаться. Напротив, в ее молчании проявляется ее мудрость, в нем и любовь, и сострадание, и негодование. Она мудра сердцем — Раскольников мудрствует рассудком, поэтому часто раздражен: «Что ж, опять молчание?» Отец же почувствовал в ее молчаливом взгляде не укор, а *тоску и плач о людях*. Соня не безропотна, когда кто-то нуждается в помощи⁷, при этом, в отличие от Раскольникова, корит себя за проявленное равнодушие⁸.

Сравнивая молчание Сони с поведением Раскольникова, который *поспешил уйти* от Мармеладовых, *не говоря ни слова*, мы видим, как по-разному выражается их негодование, протест. В этом тоже проявляется художественная оппозиция двух типов сознания, отношения к жизни, двух идеологий. Соня предпочла себя опозорить ради спасения детей мачехи от голода — Раскольников же, протестуя, убивает старуху. По-разному они *перетаскивают на себе* и преступление.

Впечатление от страшного рассказа отца, не только смирившегося с позорным трудом своей дочери, но и пользующегося заработанными ею

целковенькими, дано в целой цепи рассуждений Раскольникова. Выйдя от Мармеладовых, он упрекает себя за оставленные им медные деньги, поскольку не хочет принимать жизнь, которая покупается ценой нравственной гибели таких, как Соня: «Ну что это за вздор такой я сделал, тут у них Соня есть, а мне самому надо. Соне помадки ведь тоже нужно, денег стоит сия чистота. Ай да Соня! Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать! И пользуются! Вот ведь пользуются же! И привыкли. Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлец человек привыкает!». Размышляя о жертвенном поступке своей сестры, он соотносит судьбы Сони и Дуни: «Да чего: тут мы и от Сонечкина жребия пожалуй что не откажемся! Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит! Жертву-то, жертву-то обе вы измерили ли вполне? Понимаете ли вы, что лужинская чистота все равно что и Сонечкина чистота...». Думая о пьяной девочке, встретившейся ему на бульваре, он вновь вспоминает рассказ Мармеладова об угнетаемой Соне: «Бедная девочка! Очнется, поплачет, потом мать узнает... пожалуй и сгонит.. А не сгонит, так все-таки пронюхают Дарьи Францовны...» Его мысли о *больнице, проценте* явно навеяны судьбой Сони: «А что, коль и Дунечка как-нибудь в процент попадет!.. Не в тот, так в другой?..»

Связан с Соней и финальный монолог Мармеладова: «Придет в тот день и спросит: «А где дочь, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала? Где дочь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?» И скажет: «Прииди! Я же простил тебя раз... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много... И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит... Я это давеча, как у ней был, в моем сердце почувствовал!..». Отец уверен, что *Бог есть любовь*, он не оставит своей милостью тех, кто страдает. В исповеди Мармеладова слышатся слова Иисуса Христа, сказанные прощенной им грешнице: «Вера твоя спасла тебя: иди с миром! Ступай с Богом!». В экземпляре Евангелия, принадлежавшем Достоевскому, эти строки отмечены самим писателем особым знаком, так как знаменуют собой спасение человека. Евангельская блудница оставила свое грешное ремесло и стала святой. **Могла ли оставить свое ремесло Соня, видя страдания близких ей людей?**